

истинного лидера, наряду с другими, это очень важное качество. Этого ожидают от Владимира Васильева в предстоящем году [10].

В ходе исследовательской работы нами был проведен социологический опрос среди читающей аудитории. Некоторые из них предоставляют вашему вниманию: «Информацию еженедельник преподносит довольно остро. Однако, на наш взгляд, она не всегда представлена в полном объеме. Более всего, это заметно всё чаще в статьях, касающихся работы правительства республики».

«В еженедельнике «Новое дело» часто можно встретить мнения не только местных, но и федеральных экспертов. Это могут быть депутаты Государственной Думы, люди, которые придерживаются разных политических взглядов. То есть это не узкое и однобокое мнение, а разноплановый взгляд на ситуацию. Если на разворотах «Дагестанкой правды» можно увидеть только официальную информацию, по какому-либо политическому поводу, то в «Новом деле» можно найти ещё и оригинальную находку, раздобытую журналистами в ходе собственных поисков. Политические события, назначения, увольнения, задержания и аресты. На всё это «Новое дело» старается дать разносторонние комментарии».

«В прежние годы «Новое дело» было обычным и ничем не примечательным республиканским еженедельником, которое освещало события без какой-либо ангажированности и беспристрастий. Но в какой-то момент в нём стали публиковаться опальные публикации, газета взяла курс на оппозиционные риторики. Потому, как мне думается, в этом издании есть некая предубежденность».

«Освещая какой-либо «конфликт», аварско-кумыкский или аварско-дагестанский и др., имеющий национальный «окрас», «Новое дело» предоставляет площадку для всех. И это очень важно для многонационального дагестанского общества с множеством разных групп. Чтобы не потерять аудиторию и «Черновик», и «Новое дело» вынуждены озвучивать все мнения и держать равновесие. Собственно, редакция, которая делает ставку на распространение по всей республике, должна учитывать все факторы».

Библиографический список

1. Прохоров Е. *Введение в теорию журналистики*. Москва, 2003.
2. Вебер М. *Политика как призвание и профессия*. Москва, 1990.
3. Тertychnyj A. *Жанры периодической печати*. Москва, 2000.
4. Корконосенко С. *Основы журналистики*. Москва, 2001.
5. Мельник Г., Ким М. *Методы журналистики*. Санкт-Петербург, 2006.
6. Дзялошинский И. *Политическая журналистика*. Москва, 2006.
7. Ким М. *Технология создания журналистского произведения*. Санкт-Петербург, 2001.
8. Гуревич С. *Экономика отечественных СМИ*. Санкт-Петербург, 2004.
9. *Новое дело*. 2017; 53: 8 декабря.
10. *Новое дело*. 2018; 1: 13 января.

References

1. Prohorov E. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiky*. Moskva, 2003.
2. Veber M. *Politika kak prizvanie i professiya*. Moskva, 1990.
3. Tertychnyj A. *Zhanry periodicheskoy pechati*. Moskva, 2000.
4. Koronosenko S. *Osnovy zhurnalistiky*. Moskva, 2001.
5. Mel'nik G., Kim M. *Metody zhurnalistiky*. Sankt-Peterburg, 2006.
6. Dzyaloshinskij I. *Politicheskaya zhurnalistika*. Moskva, 2006.
7. Kim M. *Tehnologiya sozdaniya zhurnalistskogo proizvedeniya*. Sankt-Peterburg, 2001.
8. Gurevich S. *Ekonomika otechestvennyh SMI*. Sankt-Peterburg, 2004.
9. *Novoe delo*. 2017; 53: 8 dekabrya.
10. *Novoe delo*. 2018; 1: 13 yanvarya.

Статья поступила в редакцию 02.12.19

УДК 82.0:316.77

DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10297

Tovkaylo Y.A., postgraduate, Volgograd State University (Volgograd, Russia), E-mail: ulia_rua@mail.ru

MENTAL IMAGE OF TEARS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES). The article reveals the problem of reconstructing the mental image of tears in the linguistic consciousness of the Russian and the English. The author substantiates the unstudiedness of tears and crying by attractiveness for scientists of the opposite phenomenon – laughter as an object of study, as well as other somatic objects. The author gives a generalized description of the concept of tears, gives recommendations for improving the lexicographic description, analyzes the structural and physical characteristics of tears, contained in semantics: structure, localization, taste, volume, fluidity, intensity, weight, volume, temperature, color.. Considerable attention is paid to the tears' functions, comparison of tears with other somatic objects, national and gender characteristics of the use of the analyzed language units, the figurative structure of the tear, fixed in the linguistic consciousness.

Key words: linguistic consciousness, mentality, semantics, emotions, tears, crying.

Ю.А. Товкайло, аспирант, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, E-mail: ulia_rua@mail.ru

МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СЛЕЗ (TEARS) В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье раскрывается проблема реконструкции ментального образа слез (tears) в языковом сознании носителей неродственных языков (русского и английского). Автор обосновывает неизученность слез и плача привлекательностью для ученых противоположного явления – смеха как объекта изучения, а также других соматических объектов. Автор дает обобщенную характеристику понятия слез (tears), рекомендации по совершенствованию лексикографического описания, анализирует структурные и физические характеристики слез (tears), закрепленные в семантике: структура, локализация, вкус, объем,

текучесть, интенсивность, вес и громкость, температура, цвет. Значительное внимание уделяется функциям слез, сравнению слез с другими соматическими объектами, национальным и гендерным особенностям употребления анализируемых языковых единиц, образной структуре слезы, закреплённой в языковом сознании.

Ключевые слова: языковое сознание, ментальность, семантика, эмоции, слезы, плач.

Образ плачущего человека является сложным и неоднозначным, а главное, неоднократно воспроизводимым в различных памятниках культуры и искусства, в том числе и в литературе. Человек плачущий как ментальный образ противопоставляется человеку смеющемуся в рамках антиномии плач/смех, например, в античной философии плач и смех воспринимаются как способы манифестации философского отношения к миру («плачущий Гераклит» и «смеющийся Демокрит») [1]. О единой их природе, тем не менее, писал еще Аристотель, к тому же плач и смех играют ключевую роль в обрядовой культуре.

Ряд лингвокультурологических, психолингвистических и когнитивных исследований по заявленной теме посвящен изучению смеха в оппозиции к плачу, либо только смеху, что связано не только с научными предпочтениями или привлекательностью смеха как объекта исследования, но и, как верно заметила Т.А. Бернштам, с тем, что в целом в русской народно-православной системе ценностей плачевая культура уступает смеховой [2, с. 298]. По мнению И.В. Коньревой, именно плачевая культура формирует общечеловеческие нравственные идеалы, связывает духовную и телесную сферу человеческого бытия [3, с. 4], она также неразрывно связана с религиозными представлениями человека, этому посвящено отдельное исследование К. Пэттона и Д. Хоули, в котором представлены многие религиозные течения и разные культурные традиции, тем не менее о русской культуре почти не упоминается [4].

Цель настоящей статьи – реконструировать ментальный образ слез (tears), закреплённый в русском и английском языковом сознании, их структурные, физические характеристики, образную систему и гендерные особенности употребления.

Плач в отрыве от обрядовости как способ выражения эмоций не ограничивается спектром отрицательных эмоций, в первую очередь грустью и печалью, он является трансэмциональным феноменом и может выражать удивление, страх, гнев, радость, восторг, при такой внешней распыленности во всем этом четко прослеживается то, что А.Г. Козинцев называл «общим знаменателем» – беспомощность человека перед лицом того, с чем он справиться не может [5, с. 118]. Слезы и другие внешние признаки – результат столкновения человека с сильными эмоциями.

В языковой системе русского и английского языка понятие «слёзы» («tears») в толковых словарях раскрывается через родовое понятие «жидкость» («liquid»). Понятием слезы обозначается соматический объект, относящийся к классу телесных жидкостей наряду с кровью, потом, слюной, слезью и другими. Наиболее широкий пласт языковых единиц семантического поля «телесные жидкости» представляют слова, группирующиеся вокруг центральных единиц поля, а именно кровь, пот и слёзы». Последовательно рассмотрим основные характеристики слез как центрального понятия названного поля и ключевого элемента ментального образа плачущего человека в русском и английском языковом сознании.

В лексикографических источниках русского языка содержится четкое указание на три физических характеристики слез: свойства жидкости, прозрачность, вкус. Далее даются различные разъяснения: «бесцветная» жидкость; источник – «выделяется слезными железами»; расположение желез – «около глаз», «позади глаз»; предназначение 1) «омывающая глазное яблоко»; 2) «предохраняющая от высыхания», условия (обильного) выделения – «при некоторых физиологических или психических состояниях» [6 – 10]. В лексикографических источниках английского языка словарная статья «tear» приводится с пометой «обычно во множественном числе» («usually plural») и содержит указание на то, что это капля соленой жидкости («a drop of salty liquid»), вытекающая из глаза («that flows from the eye»), в результате сильных эмоций («as a result of strong emotion, especially unhappiness, or pain») [11 – 14].

В обоих языках есть представление о «форме слезы» и о том, что предметы могут ее повторить (tearshaped), например, ювелирные изделия, однако эта форма сравнивается не только с каплей, но и с грушей [16], т.к. в абстрактном представлении о форме размер не имеет значения.

Примечательно, что с точки зрения употребительности единицы «слеза» («tear») и «слезы» («tears») различны. Форма множественного числа, как верно отражено в словарях английского языка, оказывается более употребительной и в русском. Это можно заметить, к примеру, при сравнении количества вхождений этих единиц в Национальный корпус русского языка для слезы (ед. ч.) – 1 189 вхождений, в то время как для слез (мн. ч.) – 21 869 вхождений без учета морфологии [17]. В обоих языках слово «слезы» («tears») имеет широкую сферу употребления, в то время как слово «слеза» («tear») употребляется в устойчивых сочетаниях, идиомах и клише и даже гендерно детерминирована, например, такое словосочетание, как «скулая мужская слеза», «scorn an humble tear», «плустить слезу», «drop a tear», «со слезой в голосе». Здесь слеза – это метафорическое обозначение общего эмоционального состояния (ср. с радостью в голосе). Опираясь на представления Р. Лангакера о когнитивной грамматике, мы относим «слезы» и «tears» к «mass nouns», неисчисляемым существительным, наряду с такими как кровь, пот, волосы и т.д. [18].

Г.Е. Крейдлин и Л.А. Хесед в своей статье высказывают точку зрения о том, что использование родового понятия «жидкость» («liquid») при характеристике слез («tears») нарушает лексикографический принцип толкования сложных языковых единиц через простые [19, с. 122]. Мы считаем, что при исследовании слез как соматического объекта уместнее реконструировать структуру значения русского слова «слезы» через сему «вода». Чтобы подтвердить данный тезис, мы противопоставили понятия «жидкость» и «вода» и пришли к следующим выводам:

1. Сфера употребления слова «вода» значительно шире, чем слова «жидкость». Слово «вода» и его производные широко представлены в художественных и публицистических текстах;

2. Количество производных слов от слова вода намного превышает количество производных от слова жидкость. Такая же тенденция прослеживается при построении образной системы в художественных произведениях. Вода и слезы имеют схожие принципы построения метафор: *озеро слез, рыдать в три ручья* и т.д. Родовое понятие «жидкость» не обладает такой обширной словообразовательной и смыслообразовательной системой.

3. Плач относится к базовым эмоциональным процессам. Ребенок умеет плакать с рождения, вода – одно из самых простых, базовых и доступных понятий, которое он осваивает, в отличие от понятия жидкость, с которым он сталкивается уже в более осознанном возрасте.

Теперь обратимся к характеристике ментального образа слез. Во-первых, слезы являются показателем того, что субъект находится в ситуации плача, испытывает физическую боль или сильное эмоциональное переживание. «*Ножницы застряли, когда их вынули, пошла кровь, девушка плакала от боли*» (Ваксель О. «Воспоминания»). Во-вторых, слёзы также связаны с выражением положительных чувств и эмоций, например, слёзы радости, благодарности, любви и т.д.: «*Папа, воздев руки на небо, проливал слезы радости и, величественно благословив царя <...>*» (Карамзин Н.М. «История государства Российского»).

Слезы (tears) выполняют определенные функции, которые мы разделяем на психологические и физиологические. В рамках этой статьи мы поговорим об одной из физиологических функций слезы, а именно об очищающей. Широко известно и научно доказано, что основное физиологическое предназначение слез – это очищение глаза от инородных веществ и грязи. Очищающая функция слез и развитие русской плачевой культуры породили в сознании русского человека четкую связь между слезами и очищением души/покаянием/мольбой. Например, лексическая сочетаемость наречия слезно предполагает его употребление с глаголами речевого поведения («слезно просить»). Лакуной является русское слово «слезница», здесь мы говорим о ней не как о сосуде, а как отдельной разновидности обращения «слезно прошения»: «*Просьба была откровенна с жалобой, жалоба (хотя бы и в законной форме) – с преступлением. Поэтому учувевская слезница была передана тому же земскому начальнику Железнову для дознания, и мы с великим удивлением услышали в описываемом заседании результаты этого своеобразного исследования*» (Коропенко В.Г. «В голодный год»).

В языковом сознании носителей обоих языков не только человек как субъект проливает слезы, но и сами слезы (tears) выступают как самостоятельный субъект действия, порождая метафорические смыслы и художественные образы. Например: «*У Сашки наворачнулись на глаза слезы*» (Шушкин В.М. «Обида»); «*And falling on a bench, he laughed until the tears ran down his cheeks*» (Stevenson R. «Treasure Island»). В языке получили отражение не только объективные характеристики слез, но и действия, присущие им, а также характеристики, опирающиеся на эти действия (характеристики по действию).

В рамках нашего исследования мы выделяем физические свойства слезы, описываемые средствами русского и английского языка, как неотъемлемую часть образа плачущего человека: структуру, локализацию, вкус, объем, текучесть, интенсивность, вес, громкость, температуру, цвет.

Структура. В сознании носителей обоих языков закреплено, что слезы (tears) состоят из отдельных слезинок (teardrops), т.е. капель (drops) наряду с другими жидкостями (каплями воды, крови, пота и т.д.). «*Ни одной капли слез не видно было в глазах ее, и никаких жалоб уста ее не произносили <...>*» (Карамзин Н.М. «Евгений и Юлия»); «*A forty-four tears hell out of a man*» (Steinbeck J. «East of Eden»). При этом в русском языке можно встретить метафорическое сравнение слез с утренней росой: «*Черные блестящие глазки его открыты, на длинных ресницах, сверкая, дрожат росинки слез*» (Новиков-Прибой А.С. «Подарок»).

Локализация. Согласно мнению М.К. Келлогг, семантическую локализацию фреймов *cry* и *tears* составляют фреймы *eyes* и *face* [20]. Мы соглашаемся с тем, что глаза выступают местом образования слез, тем не менее, в текстах зачастую делается акцент на падении слез, где наиболее репрезентативными оказывается не только фреймы *щеки (cheeks)* и *губы (lips)*, но и единицы вне зоны лица. Например: «*Живописец сидел молча, но слезы падали на палитру*» (Кокорев И.Т. «Сибирка. Мещанские очерки»).

Вкус. Слезы – соленые на вкус, носители это четко определяют, т.к. слезы очень часто падают на губы, оставляя характерный привкус. Однако в обоих языках можно встретить иные характеристики «горькие слезы» (*bitter tears*) и «сладкие слезы» (*sweet tears*) [21]: «Тогда Наташа вставала и кланялась; выходило это у нее так, словно всю свою жизнь перед этим она ничего другого не делала, и Марине оставалось только клоком сена размазывать по лицу **сладкие слезы**» (Пелевин В. «Жизнь насекомых»). Сладкие слезы – это слезы радости, счастья: *Есть комбинация движений и звуков (музыка), способных возбудить необыкновенно сильные ощущения («вынул душу своей игрой»), большую часть радостные и даже жууче-приятные. Они могут вызвать и печаль и слезы, но это сладкие слезы и сладкая печаль* (Циолковский К.Э. «Ум и страсти»).

Объем слез или их количество – это физический признак, который характеризует вытекающие из глаз слезы. Их можно не только собрать, но и измерить их объем, количество слез традиционно указывается приблизительно, их либо мало (одна/несколько), либо много: *Многие плакали, проливая слезы рекой, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, слясь выжать несколько слез*» (Пушкин А.С. «Дневник»). В русском языковом сознании существует представление о том, что слез у человека ограниченное количество, существует определенный предел, достигнув которого субъект временно теряет способность плакать: *Она плакала несколько дней, а потом у нее уже и слез не хватило, глаза высохли, и она ничего не ела*» (Паустовский К.Г. «Золотая роза»).

Текучесть. Рассмотрим два примера, взятых из одного художественного произведения и описывающих слезы с разными физическими характеристиками: 1) «Слезы стояли у меня на глазах: может быть, Божия Матерь нас и простит» (Новиков И.А. «Повесть о коричневом яблоке»); 2) «Слезы лились у меня обильным потоком, и я забывал их вытирать...» (Новиков И.А. «Повесть о коричневом яблоке»). 1) «*She came in with tears in her eyes*» (London J. «Martin Eden»). 2) «*Tears were flowing down her cheeks*» (London J. «Martin Eden»). Эти примеры свидетельствуют о том, что слезы как жидкость, могут находиться в застывшем (признак – нетекучесть) и движущемся состоянии (признак – текучесть), так как, повинувшись физическим законам, при обильном выделении они стекают вниз.

Текучесть слез мы выделяем и дифференцируем по признаку интенсивности (слабая/сильная). Под интенсивностью слез мы понимаем их объем в единицу времени. Слабая интенсивность выражается в низкой частоте возникновения слез в глазах, при характеристике мужчин это также может быть единичное, непродолжительное действие, так называемая *скуная мужская слеза (a tear)*, которая вовсе не означает, что она была только одна. Налицо распределение по гендерному признаку, так как в бытовом сознании закреплен стереотип, что мужчины плачут меньше. «*Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жуучая и скуная мужская слеза...*» (Шолохов М.А. «Судьба человека») «*As for Peleg himself, he took it more like a philosopher; but for all his philosophy, there was a tear twinkling in his eye, when the lantern came too near*» (Melville H. «Moby Dick»); «*From beneath his slouched hat Ahab dropped a tear into the sea; nor did all the Pacific contain such wealth as that one wee drop*» (Melville H. «Moby Dick»).

Слезы в неподвижном состоянии (признак нетекучесть) не покидают области лица, остаются на ресницах, «застывают в глазах, на щеках»: «*Только черноброя женщина, спрятав руки под шалью, разглядывала спасенного, стоя боком к нему, скосив глаза, и на серовато-синих глазах ее застыли слезы*» (Горький М. «На пароходе»). В обоих языках глаза представлены как некий сосуд / резервуар, который может быть наполнен слезами: «*His eyes filled with tears and his voice croaked in the telling*» (Steinbeck J. «East of Eden»); «*Вдруг, внезапно, ее прелестные глаза наполнились слезами и засияли таким волшебным зеленым светом*» (Куприн А.И. «Яма»). В слезах можно утонуть: «*The daybreak drowns in my tears*» (Faulkner W. «The Sound and the Fury»).

По физическим признакам слез, в том числе текучести, можно судить о силе и характере испытываемых человеком эмоциях и чувствах. Сильные эмоции вызывают сильные потоки слез. В этом случае употребляется выражение не «слезы капали» (слабая текучесть), а «слезы лились» (сильная текучесть). Разнообразные метафорические образы слез как потока жидкости – река слез, лить слезы в три ручья, образы резервуаров с жидкостью – море, озеро слез (нетекучесть): «*Но в ту же секунду раскололся ее смех, покатались, задрезбужали осколочки, хлынули слезы в три ручья*» (Замятин Е.И. «На куличках»). Испытывая сильные эмоции, субъект может потерять контроль над потоком слез. Для передачи этого состояния характерны метафорические образы реки, потока, фонтана: «*А старуха сидела на лавке в темнеющей кухне и разливалась горькими слезами*» (Бунин И.А. «Старуха»). Савенкова Л.Б. в своей статье пишет, что фразеологизм «плакать в три ручья» пришел из «военного фольклорного оплакивания умерших: слезы матери по погибшему сыну – это целая река, у сестры по брату – ручеек, а у невесты по жениху – лишь роса на траве, которую быстро высушит солнце [22]. В английских текстах мы встретили сравнительный образ дождя со слезами духов предков («*ancestor spirits' tears as rain*»), это выражение используется в контексте сопереживания погоды грустному настроению человека.

Вес и громкость. Капля слезы весит очень мало, поэтому обычно звук падения неслышно, однако для создания образа абсолютной тишины, напряженной атмосферы автор может описать звук падения слез и сделать акцент на его гром-

кости: «*Его острый небритый подбородок судорожно вздрагивал, и на книгу, лежащую между локтями, капали слезы, – при свете лампы было хорошо видно, как они падали одна за другою, – мне казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу*» (Горький М. «Книга»). «*Owl began to cry. A large tear rolled down and dropped into the kettle with sound*» (Lobel A. «Owl at home»). Их вес может быть пропорционален эмоциональному напряжению: «*Тяжёлые капли слез стали падать на бумагу*» (Авилова Л.С. «А.П. Чехов в моей жизни»).

Температура. Так как слезы являются телесной жидкостью, их температура равна температуре тела человека, при характеристике слез наиболее употребительны лексемы, описывающие высокие температуры. «*Слезы льются из глаз, горячие, как смола*» (Садовской Б.А. «В двадцать пятом году»); «*Обидно до жуучих слез: земля оврагами изранена <...>*» (Горький М. «Жизнь Матвея Кожемякина»). В текстах встречается образ слез, как испаряющейся от солнца влаги. Например, при описании солнца, по-матерински ласкающего ребенка: «*Солнце старалось заглянуть Мишке в глаза, сушило на щеках слезы и ласково, как маманька, целовало его в рыжую вихрастую маковку*» (Шолохов М.А. «Нахаленку»); Описание образа солнечного луча, сушащего слезы Аксиньи и сострадающего ей: «*Кривой, запыленный в зарослях подсолнухов луч просвечивал прозрачную капелку, сушил оставленный ею на коже влажный след*» (Шолохов М.А. «Тихий Дон»).

Цвет. Слезы прозрачные, поэтому могут отражать свет, создавая блеск на поверхности глаз: «*В черных траурных платьях похоронных объявлений, с лазами, блестящими кристальной слезой некролога*» (Маяковский В.В. «Капля дегтя»). Согласно выборке в английском языке блеск и сверкание (*bright*) больше относятся к глазам, чем к слезам: «*Pills his bright eyes with burning tears!*» (Faulkner W. «As I Lay Dying») Интересно, что со свойством текучести телесных жидкостей, которое было разобрано выше, связано изменение цвета, но не самих жидкостей, а тела человека или каких-то других соматических объектов. Сочетание «покраснеть от слез» (англ. «*red in tears*») подразумевает, что слезы текли обильно, и это вызвало изменение цвета лица.

Для климата России характерны низкие температуры, поэтому часто можно встретить описание холодных слез, потому что остывают и замерзают на холоде: «*Мама, бесценная моя, дорогая мама, – бормотал внутри себя Фёдор Филатович, и холодные слезы текли у него по щекам, скапливались у носа, ни смахнуть, ни стереть!*» (Грекова И. «Фазан») «*Горячие светлые слезы падали на морозе льдинками, скатывались по рукаву шубки – веселые, сверкающие на солнце. Скатыный жемчуг!*» (Шмелев И.С. «Лето Господне»). Смена агрегатного состояния расширяет образную систему слезы (слеза как лед, как осколок льда, как жемчуг): «*Полетаев, он унес осколок слезы, которая застыла льдинкой в его сердце*» (Пунин Н.Н. «Письма А. Е. Арнс»).

Слезы могут закрывать обзор как туман/дымка/ пелена: «*И синие, синие, как воды родной реки, глаза девушки туманятся теперь слезами*» (Чарская Л.А. «Игорь и Милица»).

Объектом слез становится то, что их вызывает. Некоторые предметы, действия, события наделены теми или иными свойствами, которые могут быть обозначены субъектом как «вызывающие определенные чувства, которые внешне выражаются через слезы». Если объект действия не вызывает слез, и на это есть указание в тексте, то в обоих языках это означает, что объект не достоин сочувствия, сопереживания и т.д.: «*Господи, иной аж до слезы прошобет – сам не пометь, зверя накормит!*» (Серафимович А.С. «Странная ночь»).

Выше мы уже говорили о защитной функции слез, однако в большинстве случаев при продолжительном действии слезы оказывают отрицательное воздействие, вызывая воспалительный процесс: «*У Спиридона зачесались глаза и зацципало в носу от слез*» (Романов П.С. «Голубое платье»).

Эмоциональное возбуждение в ситуации плача отражается не только на лице человека, но и в его движениях рук и плеч: «*Он выхватил из кармана скомканные деньги и кинул их в лицо обступившим его людям, а когда плечи его затряслись от вырвавшихся наружу слез, чья-то рука тяжело сжала его локоть сзади, и металлический голос Риньоля прозвенел над ухом*» (Бухов А.С. «Карьера Берлея»).

Недавно плакавшего человека можно «вычислить» по последствиям, следам – опухшее лицо / глаза, красный цвет лица, влажные отпечатки: «*И вот глаза протодьякона наполнились слезами и сразу покраснели, и лицо его на момент сделалось столь прекрасным, как прекрасным может быть человеческое лицо в экстазе вдохновения*» (Куприн А.И. «Анафема»). «*Лицо все измазано было следами слез – как у малого ребенка*» (Замятин Е.И. «На куличках») «*Adam's face contorted and his eyes swelled and glistened with tears*» (Steinbeck J. «East of Eden»).

Дети еще не привыкли контролировать, прятать, вытирать слезы, им свойственно застыть на месте, задирать голову и сильно плакать в ожидании, когда на них обратят внимание, поэтому у них более заплаканные лица (*tearstained*).

Возвращаясь к теме соматических объектов, необходимо также упомянуть об их употреблении в одном контексте *кровь и пот, пот и слезы* и т.д., но и полноценным индикатором смещения в сознании русского человека – кровавые слезы. При этом речь идет не о заболеваниях глаз, а общественных бедах, связанных с человеческими трагедиями: «*Поклонились недостойные тому месту, где мы Его кровавленными слезами оплакали и облили Его кровью!*» (Рас-

путин Г.Е. «Мои мысли и размышления»). «*Не слезами я плачу, а кровью*» (Островский А.Н. «Грех да беда на кого не живет»).

Еще один неоднозначный образ в русском языковом сознании – *сухие слезы* (у Савенковой Л.Б. в контексте изучения семы «сухость» и акцент на «сухие рыдания») [22]: «*Лицо Китаевского сморщилось, плечи затряслись в бессильной попытке разрыдаться. И в уголках глаз вновь остро блеснули кристаллики соли: сухие слезы Баязетской осады*» (Васильев Б.Г. «Были и небыли»). Сухие слезы – это слезы человека, который не может плакать. Слезы как невербальный способ коммуникации могут многое сказать об эмоциональном состоянии человека, как писал Вольтер: «*Tears are the silent language of grief*» («слезы – это немой язык скорби») (Voltaire «Candide»).

В русском языке сочетание «мужские слезы» встречается в различных гастрономических названиях (напитков, в особенности винных, и блюд), названиях водопадов и метафорически иллюстрирует не только их скупость (как указано в основном значении), но и своего рода победу женщины над мужчиной. «*Еще выше, далеко в горах, – капельно сочащийся водопад Мужские слезы. Все эти водопады и объединяет поэтическая легенда. Когда-то в селении Тоти жили парень и девушка, они крепко любили друг друга*» (Арсеев Г. «Легенды и были о водопадах»).

В английском языке благодаря развитию Интернет-общения произошло разграничение двух связанных понятий «*manly tears*» и «*male tears*». «*Manly tears*» или «*Manly tears were shed*» – это выражение, обычно используемое пользователями-мужчинами на форумах для демонстрации чувства грусти или радости (в зависимости от контекста) без ущерба для их мужественности в глазах

других мужчин. На дискуссионных форумах «*manly tears*» также используются в качестве заголовка тем, где пользователи могут делиться грустными / трогательными историями или опытом. Распространёнными также являются реакция субъекта «*not so stoic*» или отрицание слез субъектом «*sand in my eyes*».

«*Male tears*» – это серия изображений реакции, основанная на анимированных GIF-изображениях плачущих персонажей мужского пола. В Интернет-общении они обычно используются для насмешек против феминистских высказываний и / или предполагаемых попыток разоблачения людей в дискуссиях по гендерным вопросам. Точное происхождение «*Male tears*» как макроса серии изображений остается неизвестным, однако сама концепция позиционируется как высмеивание мужчин, которые жалуются на то, насколько они угнетены, как тяжела их жизнь, пока они все еще привилегированы.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в сознании носителей русского и английского языков ментальный образ слез (*tears*) реконструируется по схожим признакам. Мы подтвердили, что слезы обладают широким спектром физических признаков (структура, локализация, вкус, объем, текучесть, интенсивность, вес и громкость, температура, цвет), закрепленных в языке, эти объективные физические признаки искажаются и метафоризируются, создавая широкую образную структуру слезы, при этом слезы неразрывно связаны с другими соматическими объектами. Большое значение в обоих языках имеет грамматическое число существительного слеза (*tear*) и стилистические особенности его употребления, а также гендер субъекта плача, продуцируются не только различные ответные реакции в зависимости от пола субъекта, но и новые смыслы, как в случае с сочетаниями «*male tears*» и «*manly tears*».

Библиографический список

1. Дорофеев Д.Ю. *Слезы и смех античной философии: к эволюции образа Гераклита и Демокрита. Вестник РХГА.* 2016; № 4: 126 – 136.
2. Бернштам Т.А. *Феномен «смех-плач» в русской народно-православной культуре. Христианство в регионах мира.* Санкт-Петербург: Наука, 2008; Выпуск 2: 298 – 376.
3. Конырева И.В. *Плач как феномен русской культуры.* Автореферат диссертации... кандидата культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2003.
4. *Holy Tears: Weeping in Religious Imagination.* Ed. by K.C. Patton and J.S. Hawley. Princeton: Princeton University Press, 2005.
5. Козинцев А.Г. Феномен «Смех-плач»: о различии сходного. Антропологический форум. 2010: 117 – 124.
6. *Большой толковый словарь русского языка.* Главный редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2003.
7. Ушаков Д.Н. *Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний.* Москва: Альта-Принт, 2008.
8. Ефремова Т.Ф. *Современный толковый словарь русского языка:* в 3-х т. Москва – Петербург, 2006; Т. 2.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка.* Москва, 1997.
10. *Словарь русского языка: в 4 т.* Под редакцией А.П. Евгеньевой. Москва, 1999.
11. *Cambridge Encyclopedia of the English Language.* David Crystal. Cambridge, 1991.
12. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* A.S. Hornby Oxford University Press 1980.
13. *The Longman Register of New words.* John AYTO. Special Edition. Longman-Moscow, 1990.
14. *The American Heritage Dictionary of The English Language,* ed. by William Morris, New College ed. Boston etc.: Houghton Mifflin, 1982.
15. *English Language Dictionary,* Collins Cobuild. London. Glasgow: Collins, 1987.
16. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. *Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. Около 250000 слов = New English-Russian dictionary.* Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. Москва: Русский язык, 1997; Т. 3: R– Z.
17. *Национальный корпус русского языка.* Available at: www.ruscorpora.ru.
18. Langacker R.W. *Essentials of cognitive grammar.* – Oxford University Press, 2012.
19. Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А. *Семантическая концептуализация телесных жидкостей: слёзы. Филологические науки.* Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота: в 3-х. 2016; Ч. 3, № 11 (65): 121 – 127.
20. Kellogg M.K. *Neurolinguistic evidence of some conceptual properties of nouns and verbs.* San Diego, Calif., Univ. of California, Diss., 1996.
21. *Большой англо-русский словарь.* Под редакцией проф. И.Р. Гальперина. Москва: Русский язык, 1977.
22. Савенкова Л.Б. Сухая ветка, сухой звук, сухие слезы (сема 'сухость' как организующий элемент вербализации образов в творчестве М.А. Шолохова). *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований.* 2017; № 2: 185 – 208.

References

1. Dorofeev D.Yu. *Slezы i smeh antichnoj filosofii: k `evolyucii obraza Geraklita i Demokrita. Vestnik RHGA.* 2016; № 4: 126 – 136.
2. Bernshtam T.A. *Fenomen «smeh-plach» v russkoj narodno-pravoslavnoj kul'ture. Hristianstvo v regionah mira.* Sankt-Peterburg: Nauka, 2008; Vypusk 2: 298 – 376.
3. Konyreva I.V. *Plach kak fenomen russkoj kul'tury.* Avtoreferat dissertacii... kandidata kul'turologii. Komsomol'sk-na-Amure, 2003.
4. *Holy Tears: Weeping in Religious Imagination.* Ed. by K.C. Patton and J.S. Hawley. Princeton: Princeton University Press, 2005.
5. Kozincev A.G. Fenomen «Smeh-plach»: o razlichii shodnogo. Antropologicheskij forum. 2010: 117 – 124.
6. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka.* Glavnyj redaktor S.A. Kuznecov. Sankt-Peterburg, 2003.
7. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetaniy.* Moskva: Al'ta-Print, 2008.
8. Efreмова T.F. *Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka:* v 3-h t. Moskva – Peterburg, 2006; T. 2.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka.* Moskva, 1997.
10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* Pod redakciej A.P. Evgen'evoj. Moskva, 1999.
11. *Cambridge Encyclopedia of the English Language.* David Crystal. Cambridge, 1991.
12. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* A.S. Hornby Oxford University Press 1980.
13. *The Longman Register of New words.* John AYTO. Special Edition. Longman-Moscow, 1990.
14. *The American Heritage Dictionary of The English Language,* ed. by William Morris, New College ed. Boston etc.: Houghton Mifflin, 1982.
15. *English Language Dictionary,* Collins Cobuild. London. Glasgow: Collins, 1987.
16. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. *Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar': v 3 t. Okolo 250000 slov = New English-Russian dictionary.* Pod obschim rukovodstvom `E.M. Mednikovoj i Yu.D. Aprejyana. Moskva: Russkij yazyk, 1997; T. 3: R– Z.
17. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka.* Available at: www.ruscorpora.ru.
18. Langacker R.W. *Essentials of cognitive grammar.* – Oxford University Press, 2012.
19. Krejdlin G.E., Hesel L.A. *Semioticheskaya konceptualizaciya telesnyh zhidkostej: slezy. Filologicheskie nauki.* Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota: v 3-h. 2016; Ch. 3, № 11 (65): 121 – 127.
20. Kellogg M.K. *Neurolinguistic evidence of some conceptual properties of nouns and verbs.* San Diego, Calif., Univ. of California, Diss., 1996.
21. *Bol'shoj anglo-russkij slovar'.* Pod redakciej prof. I.R. Gal'perina. Moskva: Russkij yazyk, 1977.
22. Savenkova L.B. Suhaya vetka, suhoj zvuk, suhie slezy (sema 'suhost') kak organizuyuschij `element verbalizacii obrazov v tvorchestve M.A. Sholohova). *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij.* 2017; № 2: 185 – 208.